

Дж. Холфорду, эсквайру.

Дорогой Холфорд!

Когда мы виделись в последний раз, я с величайшим интересом слушал твой рассказ о наиболее примечательных событиях твоей юности, о днях, предшествовавших нашему знакомству. Потом ты пожелал, в свою очередь, услышать мою повесть, но я в ту минуту не хотел предаваться воспоминаниям и уклонился под не слишком убедительным предложением, будто ничего примечательного в моей молодости не произошло. Однако мои неуклюжие извинения ты не принял, и, хотя тотчас переменял разговор, заметить, как глубоко ты обижен, было нетрудно — на твое лицо словно легло темное облако, которое не рассеялось даже при нашем прощании, а возможно, омрачает его и доселе. Ведь все твои письма с тех пор отличает меланхоличная и суховатая сдержанность, которая больно бы меня ранила, подтверди моя совесть, что я ее заслужил.

Не стыдно ли тебе, старина, — в твоём-то возрасте, после стольких лет горячей дружбы, когда я уже дал тебе столько доказательств своей искренности, своего доверия и несколько не принимал к сердцу твою молчаливость и некоторую замкнутость? А в них-то, видимо, и вся суть. По природе ты не склонен открывать душу другим, и с твоей точки зрения, разумеется, в тот достопамятный день ты во имя дружбы совершил истинный подвиг (уже, вероятно, поклявшись, больше никогда ничего подобного себе не позволять), а потому был вправе ожидать, что за столь великую милость я тотчас без малейших колебаний отплачу тебе такой же исповедью.

Впрочем, я взялся за перо не для того, чтобы упрекать тебя, оправдываться или просить прощения за прошлые обиды, но для того, чтобы искупить их, если ты позволишь.

За окном моросит докучливый дождь, семейство мое уехало в гости, а я сижу один в библиотеке, перебираю пожелтевшие письма и некоторые другие старые бумаги, вспоминаю былые дни — и чувствую, что теперь совершенно готов развлечь тебя повествованием о давних временах. Сняв поджарившиеся стопы свои с каминной решетки, я придвинул кресло к письменному столу и, dokonчив эти строки, обращенные к моему суровому старому другу, намерен кратко — нет-нет, не кратко, но с величайшей полнотой! — ознакомить его со всеми подробностями самого важного события в моей жизни (то есть до моего знакомства с Джеком Холфордом). А после этого обвиняй меня в неблагодарности и недружеской скрытности, если у тебя достанет духа!

Я знаю, ты любишь длинные истории и не менее моей покойной бабушки придирчив к точности самых пустячных обстоятельств и любых мелочей, а потому не жди пощады: я буду соизмерять размеры этой повести лишь с собственным терпением и досугом.

Среди упомянутых мною бумаг покоится старый выцветший мой дневник, который послужит тебе ручательством, что, воспроизводя давние происшествия, я полагаюсь не только на свою память, какой бы цепкой она ни была, и ничуть не намерен злоупотреблять твоим доверием к моей добросовестности. Итак, я сразу же приступаю к первой главе, ибо глав этих будет еще много.

ГЛАВА I

НЕЖДАННАЯ НОВОСТЬ

Ты должен вернуться со мной к осенним дням 1827 года. Мой отец, как тебе известно, был владельцем фермы в ...шире и, хотя по рождению джентльмен, посвятил себя земледелию. Покорствуя его настойчивому желанию, я стал его преемником на этом поприще, хотя и не слишком охотно, ибо честолюбие призывало меня к более высоким свершениям, а самоуверенность нашептывала, что, не прислушиваясь к его голосу, я зарываю свой талант в землю и прячу свой светильник под спудом. Матушка тоже всячески убеждала меня, что я способен подняться очень высоко. Однако отец, свято веривший, что честолюбие — наиболее прямой путь к гибели, а перемены ни к чему хорошему не приводят, не желал ничего слушать о том, как я мог бы сделать более счастливым свой жребий или жребий других смертных. Все это вздор, говорил он и с последним вздохом заклинал меня следовать по доброму старому обычаю его путем, как он следовал путем своего отца, не ставить себе целей выше, чем честно прожить жизнь, не косясь ни вправо, ни влево, и оставить родовую землю моим детям по меньшей мере в том же цветущем состоянии, в каком он передает ее мне.

«Ну, что же! — решил я. — Честный и трудолюбивый земледелец принадлежит к наиболее полезным членам общества, и я, употребив свои таланты на содержание моей фермы в образцовом порядке и общее улучшение способов ведения сельского хозяйства, тем самым принесу пользу не только моим чадам и домочадцам, но в какой-то степени и всему человечеству, а следовательно, не растрачу жизнь попусту!»

Примерно такими мыслями я утешался, возвращаясь домой с поля в очень пасмурный, холодный и сырой вечер на исходе октября. Однако теплые отблески огня, игравшие на стеклах окна нашей гостиной, ободрили и устыдили меня куда больше всех философских выводов и решений, к каким я понуждал себя. Не забудь, ведь я тогда был очень молод — и в свои двадцать пять лет еще далеко не обрел нынешнего моего умения владеть собой, пусть оно и теперь не так уж велико.

Однако, прежде чем вступить в приют блаженства, я должен был сменить облепленные глиной сапоги на чистые башмаки, сюртук из грубого сукна на более презентабельный, и вообще привести себя в благопристойный вид — матушка, несмотря на всю свою доброту, кое в чем была неумолимо строга.

Поднимаясь к себе в спальню, я столкнулся на лестнице с бойкой миловидной девятнадцатилетней девушкой, в меру пухленькой, круглолицей, с румяными щеками, пышными глянцевыми локонами и веселыми карими глазками. Мне незачем объяснять тебе, что то была моя сестрица Роза. Я знаю, что она и теперь, став почтенной матроной, сохраняет приятность облика, а в твоих глазах, полагаю, останется такой же прелестной, как в счастливые дни, когда ты впервые узрел ее. Но в ту минуту я пребывал в полном неведении, что несколько лет спустя она отдаст свою руку и сердце пока еще совершенно мне незнакомому человеку, хотя ему и суждено стать мне другом даже более близким, чем она сама и чем невоспитанный семнадцатилетний увалень, чуть не сбивший меня с ног, когда я спускался, и покаранный звонким подзатыльником, который, впрочем, не нанес ни малейшего ущерба его мыслительным способностям, ибо мозг его защищала не только особо толстая черепная кость, но еще и шапка коротких рыжих кудрей — впрочем, матушка предпочитала называть их золотисто-каштановыми.

Эта почтенная дама сидела в гостиной у камина в своем кресле и вязала — обычное ее занятие, когда она отдыхала от других хлопот. Ожидая нас, она собственноручно выгребла золу из камина и растопила его. Служанка как

раз внесла поднос с чайником, а Роза достала сахарницу и чайницу из темного дубового шкафчика, который блестел в уютном свете камина, точно был сделан из полированного черного дерева.

— А, вот и они оба! — воскликнула матушка, оборачиваясь к нам, но ее гибкие пальцы и сверкающие спицы ни на миг не прервали свое движение. — Закройте-ка дверь и присаживайтесь к огню. Уж, наверное, вы голодны как волки. Но пока Роза заварит чай, расскажите мне, чем вы сегодня занимались. Я люблю знать про своих детей все.

— Ну, я объезжал серого жеребчика — он очень норовистый, отдавал распоряжения, как распахать стерню, — у работника без меня не достало ума самому сообразить, что надо сделать, и намечал, где следует выкопать канавы, чтобы осушить заболоченный луг.

— Узнаю своего трудолюбивого сына! Фергес, а ты что подельывал?

— Барсука травил.

И он во всех подробностях поведал о перипетиях этого благородного развлечения, воздав должное и барсуку, и собакам. Матушка делала вид, будто слушает его с глубочайшим интересом, и смотрела на его оживленную физиономию с материнской гордостью, хотя, на мой взгляд, особых причин для гордости тут не было.

— Пора бы тебе взяться за ум, Фергес, — заметил я, едва он на секунду умолк, переводя дух.

— А что ты прикажешь мне делать? — возразил он. — Маменька не позволяет мне стать моряком и в армию тоже не пускает. А ни на что другое я не согласен, и раз так, буду бить баклуши и допекать вас, пока вы на что угодно не согласитесь, лишь бы от меня избавиться.

Наша родительница нежно погладила крутые завитки его волос. Он заворчал на нее и надулся, но тут Роза в третий раз позвала нас к столу, и мы наконец ее услышали.

— Пейте чай, — заявила она, — а я тем временем расскажу, что сегодня делала я. Ходила в гости к Уилсонам, и, Гилберт, какая жалость, что ты не пошел со мной! Там ведь была Элиза Миллуорд.

— Ну и что?

— Да ничего. Я больше ни словечка про нее не скажу — вот тебе! Только она такая миленькая, такая веселая, когда в хорошем настроении, и, по-моему, она просто...

— Тсс, деточка! Твой брат ни о чем таком и не думает! — прошептала матушка, предостерегающе подняв палец.

— Я просто хотела рассказать вам новость, которую услышала у Уилсонов, — продолжала Роза. — Ни за что не догадаетесь! Помните, месяц назад поговаривали, что Уайлдфелл-Холл кому-то сдают? Так что же вы думаете? Там уже неделю как живут, а никто ничего не знал!

— Не может быть! — воскликнула матушка.

— Чушь какая! — фыркнул Фергес.

— А вот и нет! Там поселилась дама, и, говорят, одинокая!

— Как же так, милочка? Дом ведь совсем развалился.

— Ну, для нее обновили две-три комнаты, и она живет совсем одна, только со старухой служанкой.

— Какая жалость! Служанка! А я-то уж подумал, не ведьма ли она! — пожаловался Фергес, густо намазывая маслом толстый ломоть хлеба.

— Фергес, какой вздор ты выдумываешь!

— Но, мама, это ведь очень странно, правда?

— Еще бы! Я просто поверить не могу.

— Нет уж, пожалуйста, поверь! Джейн Уилсон была у нее сама. Миссис Уилсон взяла ее с собой и отправилась туда с визитом — она ведь едва услышала, что там кто-то поселился, просто места себе не находила, так ей хотелось все разнюхать и разузнать. Зовут ее миссис Грэхем, и она носит траур — но не глубокий, не вдовий, а сама еще молодая — лет двадцати шести, не больше, но ужасно, ужасно сдержанная! Они по-всякому старались выведать, кто она такая и откуда приехала. Миссис Уилсон, уж конечно, дала волю своей назойливости и сыпала самыми неделикатными вопросами, а мисс Уилсон пускала в ход всякие обходные маневры, но им так и не удалось удовлетворить своего любопытства. Они не добились от нее ни единого ответа, ни единой оговорки, даже ни единого словечка, которые бросили бы хоть малейший свет на ее прошлую историю, нынешнее положение или круг знакомых. К тому же держа-

лась она с ними очень нелюбезно и «прощайте» сказала куда с большим удовольствием, чем «здравствуйте!» Но Элиза Миллуорд объявила, что ее папенька намерен вскоре побывать у нее и предложить ей пастырские советы, которые, как он опасается, должны оказаться далеко не лишними: ведь она, хотя приехала в самом начале недели, в воскресенье в церкви не была. И она — то есть Элиза — уприсит его взять ее с собой и, разумеется, уж что-нибудь от нее да узнает! Ты же знаешь, Гилберт, она всегда добивается того, чего хочет. Мама, и мы тоже должны нанести ей визит! Это ведь только вежливо будет.

— Ну, конечно, милочка! Бедняжка! Как ей, должно быть, одиноко!

— Ах, прошу вас, поторопитесь! И непременно-непреренно расскажите мне, сколько сахара она кладет в чай, какие чепчики и передники носит, и все-все! Я просто не понимаю, как я буду жить, пока не узнаю! — с глубочайшей серьезностью произнес Фергес.

Но если он намеревался блеснуть остроумием, то потерпел горькую неудачу, потому что никто даже не улыбнулся. Впрочем, его это ничуть не охладило: не успел он набить рот хлебом с маслом и поднести к губам чашку, как с такой живостью представил себе столь комичное положение, что вынужден был, давась, выскочить из-за стола и выбежать в сад, откуда тотчас донеслись мучительные всхлипывания и кашель.

Я же молча утолял голод ветчиной, жареным хлебом и чаем, а моя матушка и сестрица продолжали обсуждать вероятную — или невероятную — историю таинственной незнакомки. Однако должен признаться, что злоключение моего братца послужило мне хорошим предупреждением, и раза два я ставил чашку на стол, даже не пригубив ее содержимое, из опасения уронить свое достоинство, предавшись, как и он, неудержимому веселью.

На следующий же день матушка и Роза поспешили навестить прекрасную отшельницу, но вернулись, ничего не узнав, хотя, по словам матушки, она ничуть не жалела, что побывала в Уайлдфелл-Холле: ведь если не для них с Розой, так для миссис Грэхем их визит оказался не без пользы —

она льстит себя мыслью, что дала той немало полезных советов, и только надеется, что они не пропадут втуне. Миссис Грэхем, хотя больше отмалчивается, а о себе, видимо, очень высокого мнения, тем не менее как будто доступна доводам рассудка. Но только, право, непонятно, где бедняжка жила раньше и о чем думала — настолько невежественна она во многих отношениях, причем даже не стыдится своего невежества!

— В каких же это, мама? — спросил я.

— Да во всех домашних делах и кулинарных тонкостях, которые любая хорошая хозяйка должна знать назубок, пусть даже у нее для всего есть прислуга. Я сумела вывести ее из кое-каких заблуждений, а также сообщила очень хорошие рецепты разных блюд. Правда, она их совершенно не оценила и только просила меня не затрудняться, мол, жизнь она ведет такую простую и скромную, что они ей вряд ли когда-нибудь пригодятся. «Что вы, моя дорогая! — ответила я. — Это необходимо знать каждой уважающей себя женщине. К тому же если вы сейчас и одиноки, так будет не всегда. Вы ведь были замужем и, вероятно, нет, даже непременно, снова вступите в брак!» Тут она напустила на себя высокомерие и ответила: «Нет, сударыня, вы заблуждаетесь. Этого никогда не будет!» Но я ей ответила, что о таких вещах мне лучше судить.

— Наверное, какая-нибудь романтическая молодая вдовушка, — заметил я. — Поселилась здесь, чтобы провести остаток дней в строгом уединении, неутешно оплакивая незабвенного усопшего. Но долго это не продлится.

— И я так думаю, — вставила Роза. — Только особой неутешности в ней и сейчас незаметно. И она очень хорошенькая, если не сказать, красавица. Ты обязательно должен ее увидеть, Гилберт! Уж конечно, ты найдешь ее красоту идеальной, хотя вряд ли решишься утверждать, что между ней и Элизой Миллуорд есть хоть какое-то сходство.

— Что же, я без труда могу вообразить лица куда более красивые, чем лицо Элизы, но не более очаровательные. Согласен, что у нее нет права считаться безусловно красивой, но, с другой стороны, более совершенные черты лишь сделали бы ее менее интересной.

— То есть ты предпочитаешь ее недостатки совершенству других?

— Вот именно, не при маме будь сказано.

— Ах, милый Гилберт, ну, какой вздор ты говоришь! Я же знаю, ты не серьезно. Об этом ведь и речи быть не может! — воскликнула матушка и торопливо вышла из комнаты, сославшись на какие-то домашние дела, а на самом деле для того, чтобы не слушать возражений, которые уже были готовы сорваться у меня с языка.

Роза затем принялась сообщать мне еще массу всяких подробностей, касавшихся миссис Грэхем. Ее внешность, манеры, туалет и даже меблировка ее гостиной были описаны с живостью и наглядностью, без которых я вполне мог бы обойтись. Впрочем, слушал я настолько невнимательно, что не сумел бы повторить ни единой фразы из этого описания, даже если бы хотел.

Это было в пятницу, а утром в воскресенье все гадали, пошли ли прекрасной незнакомке на пользу нравоучения священника и увидим ли мы ее в церкви. Признаюсь, и я с некоторым интересом посмотрел на семейную скамью бывших обитателей Уайлдфелл-Холла, поблекшая алая обивка и подушки которой не чистились и не обновлялись уже многие и многие годы, как и угрюмые гербы над ней в мрачных венках из порыжелых траурных лент.

И там я увидел высокую изящную даму в черном. Лицо ее было повернуто ко мне, и что-то в нем заставило меня взглянуть на нее еще раз. Его обрамляли длинные иссиня-черные локоны — прическа в те дни довольно необычная, но всегда прелестная и удивительно ей шедшая. Матовая бледность придавала ему особую нежность. Я не рассматривал ее глаз, так как они были устремлены на страницу молитвенника, но увидел лишь длинные черные ресницы, опускавшие опущенные веки. Тонко очерченные брови казались выразительными, высокий лоб и орлиный нос были безупречны, как и остальные ее черты. Только щеки выглядели чуть впалыми, а красивые губы сжимались слишком строго, свидетельствуя, как мне подумалось, о характере, не отличающемся ни особой мягкостью, ни приветливостью, и я сказал себе: «Нет, прекрасная дама, любоваться

вами издали — жребий более завидный, чем делить с вами кров!»

В это мгновение она подняла глаза, и наши взгляды встретились. Я не считал нужным отвести свой, и ее вновь обратился на молитвенник, но с выражением тихого презрения, которое почему-то меня больно задело. «А! Видно, она сочла меня дерзким мальчишкой, — подумал я. — Ну что же, придется ей скоро переменить свое мнение, если мне этого захочется!»

Тут я вдруг почувствовал, насколько подобные мысли неуместны в церкви, да и мое поведение оставляло желать лучшего. Однако, прежде чем сосредоточиться на службе, я обвел взглядом церковь, проверяя, не следит ли кто-нибудь за мной. Я мог бы не беспокоиться! Лишь некоторые устремляли глаза на молитвенники, остальные же не спускали их с незнакомки в черном — в том числе моя добрая матушка, сестрица Роза, миссис Уилсон с дочерью и даже Элиза Миллуорд, которая очень осторожно косилась на предмет общего внимания. Затем она поглядела на меня, кокетливо смутилась, порозовела и чинно уставилась в молитвенник, пытаясь придать лицу благочестивое выражение.

Тут я вновь согрешил, о чем мне тотчас напомнил локоть моего неугомонного братца, довольно болезненно стукнувший меня в ребра. Достойное отмщение за подобную дерзость могло его настичь только за стенами церкви, и пока я ограничился тем, что наступил ему на ногу.

А теперь, Холфорд, перед тем как закончить это письмо, мне следует в двух словах рассказать тебе про Элизу Миллуорд. Она была младшей дочерью приходского священника, обворожительной малюткой, к которой я питал большую слабость — о чем она прекрасно знала, хотя я не только прямо с ней не объяснился, но, пожалуй, и не собирался этого делать, так как матушка, утверждавшая, что на двадцать миль вокруг нет ни единой достойной меня невесты, не потерпела бы, чтобы я женился на фитюльке, у которой, не говоря уж о прочих многочисленных недостатках, за душой нет и двадцати фунтов! Элиза была миниатюрна, но очень хорошо сложена. Личико почти такое же круглое, как у моей сестры, с румянцем не таким ярким и здоро-

вым, зато более нежным, носик чуть вздернут, черты довольно неправильные. Пожалуй, ты не счел бы ее даже хорошенькой и все же признал бы очаровательной! А ее глаза! Нет, я о них не забыл — ведь в них-то и заключался главный секрет ее обаяния: миндалевидные, темно-карие, почти черные, они постоянно меняли свое выражение, но в нем всегда было что-то либо почти... я чуть было не написал «дьявольски» лукавое, либо неотразимо обворожительное, а часто и то и другое. Голос приятный, детский, походка легкая и бесшумная, как у кошки, хотя манера держаться больше напоминала прелестного шаловливого котенка, который то весело проказничает, то чинно свертывается клубочком.

Ее сестра Мэри была на несколько лет ее старше, на несколько дюймов выше и более плотного, крупного сложения. Эта некрасивая, тихая, разумная девушка преданно ухаживала за их матерью на протяжении ее последней долгой и тяжелой болезни, а с тех пор и по день, с которого начинается мой рассказ, вела дом, как покорная и безропотная семейная рабыня. Отец с благодарностью полагался на нее, все окрестные собаки, кошки, ребятишки и бедняки любили ее и радовались ей, остальные же обитатели наших мест смотрели на нее сверху вниз или вовсе не замечали.

Сам преподобный Майкл Миллуорд был высоким дородным пожилым джентльменом, затенял черной широкополой шляпой крупное квадратное лицо с грубыми чертами, ходил с толстой тростью и облакал все еще сильные ноги в короткие панталоны и гетры (последние в торжественных случаях заменялись черными шелковыми чулками). Он обладал твердокаменными принципами, заостренными предрассудками и правильными привычками, не терпел ни малейшего несогласия как с догматами своей веры, так и с собственными взглядами в твердом убеждении, что его мнения всегда сама истина, те же, кто смеет их оспаривать, либо прискорбно невежественны, либо упрямо закрывают глаза на правду.

В детстве я испытывал к нему почтительное благоговение, которое преодолел лишь совсем недавно. Он бывал оте-

чески добр с теми, кто вел себя чинно, но самым суровым образом наказывал наши детские проступки и шалости. К тому же, когда он заходил к нашим родителям, мы должны были стоять перед ним по струнке и отвечать на вопросы из катехизиса, или читать наизусть «Хлопотунья-пчелка малая» и другие благочестивые нравоучительные стишки, или же — самое страшное — назвать текст его последней проповеди и главные ее положения, которые мы никогда не запоминали. Порой преподобный джентльмен пенял моей матушке за склонность баловать сыновей, ссылаясь на старика Илия, Давида и Авессалома, что ее особенно задевало. Как ни почитала она его самого и все его наставления, однажды у нее при мне вырвалось невольное восклицание: «Ну, почему у него нет собственного сына! Тогда бы он меньше допекал советами других людей и знал бы, какво это держать в узде двух мальчишек!»

Он похвально заботился о своем телесном здоровье, рано ложился, рано вставал, непременно гулял перед завтраком, одевался тепло, опасался сырости, ни разу не приступал к чтению проповеди, не проглотив сырое яйцо, хотя обладал отличными легкими и могучим голосом, весьма взыскательно относился к тому, что ел и пил, но воздержанностью отнюдь не отличался и, как во всем другом, считал собственные вкусы полезными для всех. Так, презирая чай, который именовал грязной водицей, он предпочитал ему напитки из солода, любил яичницу с грудинкой, ветчину, говядину и другую столь же тяжелую еду, с которой его желудок отлично справлялся. Такую же диету он настойчиво рекомендовал и тем, кто еще не окреп после тяжелого недуга или страдал расстройством пищеварения. Если же его предписания не приносили обещанной пользы, страдальцам объявлялось, что они плохо их выполняли, а когда они жаловались на дурные последствия, то слышали в ответ, что все это их фантазия.

Коротко коснусь еще двоих упомянутых мною особ и завершу это длинное письмо. Я имею в виду миссис Уилсон и ее дочь. Первая была вдовой зажиточного фермера, взятой сплетницей, склонной к ханжеству, чей характер не заслуживает дальнейшего описания. У нее было двое сыно-

вей — Роберт, фермер с грубыми привычками, и Ричард, тихий способный юноша, изучавший с помощью священника древние языки, чтобы затем поступить в университет и получить духовный сан.

Их сестра Джейн была наделена недурными способностями и большим честолюбием. Она настояла на том, чтобы ее отдали в пансион, и первой в своей семье получила настоящее образование. Полировка пошла ей на пользу, ее манеры отличались утонченностью, произношение утратило всякий намек на простонародность, а в светских талантах с ней не могли потягаться даже дочери священника. К тому же она слыла красавицей, хотя я никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Ей было лет двадцать шесть — высокая, очень стройная, с волосами не каштановыми, не русыми, а бесспорно огненно-рыжими. Цвет лица ослепительно свежий, голова маленькая, шея лебединая, подбородок округлый, но небольшой, глаза светло-карие, быстрые и пронизательные, однако лишенные поэтичности и даже чувства. Недостатка в женихах она не знала, но все они принадлежали к ее собственному сословию, а потому получали презрительный отказ — лишь джентльмен мог бы угодить ее изысканному вкусу, и притом богатый, на меньшее ее неумное честолюбие не соглашалось. Как раз в то время за ней начал довольно настойчиво ухаживать некий джентльмен, и она, как шептались кумушки, возымела самые серьезные намерения касательно его сердца, фамилии и состояния. Это был мистер Лоренс, молодой помещик, чьей семье принадлежал Уайлдфелл-Холл, который лет двадцать назад они покинули, сменив на более современный и обширный дом в соседнем приходе.

А теперь, Холфорд, я на время прощаюсь с тобой. Это первый взнос в счет моего долга. Если такая монета тебе подходит, извести меня, и я буду посылать тебе остальные по мере написания. Если же ты предпочтешь остаться моим кредитором и не отягощать свой кошелек такими тяжелыми медяками, извести меня и об этом, и я, извинив твой дурной вкус, с удовольствием оставлю их себе.

Неизменно твой

Гилберт Маркхем.

ГЛАВА II

ВСТРЕЧА

С большой радостью, мой самый дорогой друг, я убедился, что облако твоей досады уплыло прочь, ты вновь сияешь мне, как прежде, и желаешь узнать продолжение моей истории. Так получи же его без дальнейших проволочек!

По-моему, я остановился на воскресенье — последнем в октябре 1827 года. Во вторник после него я с собакой и ружьем отправился на поиски той дичи, которую мог бы найти в пределах Линден-Кара, но не нашел. Тогда я решил обратить свое оружие против ястребов и хищных ворон, чей разбой, по моему убеждению, и лишил меня более желанных трофеев. А потому я покинул приветливые лесные долины, хлебные поля и обширные луга ради крутых склонов Уайлдфелла — самого высокого и дикого холма в нашем краю. Я поднимался все выше, а живые изгороди и деревья становились все более низкими и чахлыми. Затем первые сменились стенками, сложенными из нетесаных камней, от вторых же кое-где остались лишь лиственницы да ели и одинокие кусты терновника. Твердая каменная земля не годилась под посевы и служила пастбищем для скота и овец. Слой тощей почвы был очень тонкий, и из травянистых кочек торчали серые камни, под стенками ютились голубика и вереск, наследие первозданной дикости, а во многих местах траву заглушали осока и амброзия... Но ведь земля эта принадлежала не мне!

Почти у самой вершины в двух милях от Линден-Кара стоял Уайлдфелл-Холл — старинный господский дом елизаветинских времен, построенный из серого камня, весьма благородный и живописный на вид, но внутри, без сомнения, холодный и темный. Узкие окна с частыми переплетами в толще стен, разъеденные временем вентиляционные отверстия, безлюдие вокруг, открытость всем ветрам и непогодам, от которых его не могли защитить посаженные с этой целью ели, давно изуродованные бурями, столь же мрачные и угрюмые, как само здание, — все это делало его малопригодным для обитания. Позади него виднелись два-три чахлых луга и бурая от вереска вершина, а перед

ним (обнесенный каменной оградой с чугунными воротами между каменными столбами, которые увенчивались шарами из серого гранита, такими же, какие украшали парапет и башенки) располагался сад, где некогда взращивались цветы и травы, достаточно нетребовательные к почве и закаленные против капризов погоды, а также деревья и кусты, наиболее покорно принимающие под жесткими ножницами садовника те формы, какие решала придать им его фантазия. Теперь же, на долгие годы предоставленный самому себе, брошенный без ухода на жертву заморозкам и засухе, ливням и бурям, заросший бурьяном, сад являл собой странное зрелище. Окаймлявшая главную аллею живая изгородь из бирючины на две трети засохла, а оставшаяся треть нелепо разрослась, куст, некогда подстриженный в виде лебедя, утратил шею и половину туловища, пирамиды лавров в центре сада, гигантский воин по одну сторону ворот и лев, охранявший другую, буйно выбросили новые ветки и приобрели совсем уж фантастический вид, подобие которому нельзя было найти ни на земле, ни на небе, а если на то пошло, то и в воде. Однако моему юному воображению все они представлялись сказочными чудищами вполне в духе тех жутких легенд и преданий, которыми пичкала нас наша старая няня, повествуя о былых обитателях покинутого дома и о привидениях, которые там являются.

К тому времени, когда я вышел к Уайлдфелл-Холлу, мне удалось подстрелить ястреба и двух ворон, но я уже оставил мысли о дальнейшей охоте и неторопливо направился к старинной усадьбе поглядеть, насколько она изменилась после появления там новой обительницы. Разумеется, я не мог подойти к воротам и заглянуть внутрь, но остановился у садовой ограды. Насколько я мог судить, все осталось прежним, если не считать обновленной крыши и стекол, вставленных в разбитые окна одного из флигелей, над трубами которого вился дымок.

Пока я стоял там, опираясь на ружье, и предавался прихотливым фантазиям, в которых бывшие ассоциации и молодая отшельница, поселившаяся теперь в этих старинных стенах, играли равную роль, до моего слуха донесся шорох и какие-то поскребывания. Взглянув в ту сторону, я увидел,

как за верхний край ограды ухватилась маленькая ручонка, к ней присоединилась другая, над серым камнем появился белый лобик, обрамленный каштановыми кудрями, а затем пара синих глазенок и беленькая переносица.

Глазенки меня не заметили, но радостно уставились на Санчо, моего сеттера, черно-белого красавца, который кружил по склону, пригибая морду к земле. Над стеной возникло детское личико, и детский голосок окликнул «собачку». Добродушный пес остановился, поднял морду и дружески вильнул хвостом, однако не проявил никакого желания свести более близкое знакомство. Ребенок — мальчик лет пяти — взобрался на верх ограды и продолжал звать собачку, но, убедившись в тщетности своих окликов, видимо, решил последовать примеру Магомета и самому пойти к горе, раз уж она не пожелала пойти к нему. Но едва он перевесился через ограду, как его платице зацепила одна из корявых веток, которые раскинула над ней старая вишня. Малыш попытался высвободиться и сорвался со стены, однако не упал на землю, а повис в воздухе, болтая ножонками и испуская громкие вопли. Но я уже бросил ружье и подхватил бедняжку на руки, утер ему глаза краем платица, сказал, что бояться нечего, и подозвал Санчо, чтобы совсем его утешить.

Он как раз обнял сеттера за шею и улыбнулся сквозь слезы, когда громко стукнула калитка, послышался шелест женских юбок и ко мне подбежала миссис Грэхем — шея ее не была укрыта даже шарфом, черные волосы развевались на ветру.

— Отдайте мне ребенка! — сказала она тихо, почти шепотом, но яростно, и вырвала мальчика из моих рук, словно оберегая от страшной заразы, а потом, сжимая его в объятиях, устремила на меня огромные, сверкающие, темные глаза — бледная, задыхающаяся от страшного волнения.

— Я ничего дурного мальчику не сделал, сударыня, — сказал я, не зная, удивляться ли мне или сердиться. — Он перелез через ограду, но, к счастью, я успел подхватить его, когда он зацепился вон за тот сук, и предотвратил возможную беду.

— Прошу у вас прощения, сэ, — пробормотала она, внезапно успокаиваясь, словно рассеялся туман, омрачивший ее рассудок. Бледные ее щеки чуть порозовели. — Но мы с вами не знакомы, и я подумала...

Она умолкла, поцеловала мальчика и нежно обвила рукой его шею.

— Подумали, что я вознамерился похитить вашего сына?

Она смущенно засмеялась, поглаживая его кудряшки.

— Мне ведь в голову не пришло, что он способен перелезть через ограду... Я имею удовольствие говорить с мистром Маркхемом, не правда ли? — внезапно спросила она.

Я поклонился и не удержался от вопроса, как она догадалась о моем имени.

— Ваша сестра несколько дней назад приезжала сюда с вашей матушкой.

— Неужели мы так похожи? — воскликнул я с удивлением и отнюдь не столь польщенно, как, возможно, следовало бы.

— Пожалуй, цвет ваших волос и еще глаза... — ответила она, с некоторым сомнением взглянув на мое лицо. — И по-моему, в воскресенье я видела вас в церкви.

Я улыбнулся. Эта улыбка, а может быть, разбуженные ею воспоминания чем-то раздражили миссис Грэхем. Во всяком случае, она вновь приняла тот гордый, холодный вид, который задел меня в церкви — выражение неизмеримого презрения, которое так гармонировало с ее чертами, что казалось естественным для них, пока не исчезало, — и тем более меня злило, что я не мог счесть его притворным.

— Прощайте, мистер Маркхем, — сказала она и ушла с мальчиком в сад, не удостоив меня больше ни единым словом или взглядом.

Я задержался только для того, чтобы подобрать с земли ружье и пороховницу да объяснить дорогу какому-то заблудившемуся на холме прохожему, а затем отправился в дом при церкви, чтобы утешить оскорбленное самолюбие и развлечься в обществе Элизы Миллуорд.

Как обычно, она сидела за пядями, вышивая шелком (увлечение берлинской шерстью еще не началось), а ее се-

стра с кошкой на коленях штопала в углу чулки — перед ней их лежала целая груда.

— Мэри! Мэри! Да убери же! — вскрикнула Элиза, увидев меня в дверях.

— И не подумаю, — последовал невозмутимый ответ, а мое присутствие сделало дальнейший спор невозможным.

— Вы так неудачно пришли, мистер Маркхем, — продолжала Элиза с одним из своих лукаво-поддразнивающих взглядов. — Папа только-только отправился куда-то по приходским делам и вернется не раньше чем через час.

— Ничего, на несколько минут я смирюсь и с обществом его дочерей, если на то будет их соизволение, — ответил я, придвигая стул к камину и усаживаясь без приглашения.

— Ну, если вы сумеете нас развлечь, мы возражать не станем.

— Э нет! Без всяких условий! Ведь я пришел не развлекать, но развлечься! — ответил я.

Но тем не менее счел себя обязанным быть приятным собеседником и, видимо, преуспел в своем намерении, так как мисс Элиза пришла в отличное расположение духа. Довольные друг другом, мы весело болтали о всяких пустяках. Это был почти тет-а-тет, так как мисс Миллуорд хранила молчание, лишь изредка его прерывая, чтобы поправить какое-нибудь чересчур уж легкомысленное утверждение своей сестрицы, и один раз попросила ее поднять клубок, закатившийся под стол. Однако, естественно, поднял его я.

— Спасибо, мистер Маркхем, — сказала Мэри, беря клубок. — Я бы и сама за ним встала, но не хочется будить кошечку.

— Мэри, душка, это тебя в глазах мистера Маркхема не оправдывает! — заметила Элиза. — Полагаю, он, как и все джентльмены, терпеть не может кошек, как и старых дев. Правда, мистер Маркхем?

— Мне кажется, наш суровый пол недолюбливает кошечек и птичек потому, что прекрасные девицы и дамы изливают на них слишком уж много нежности.

— Но ведь они такая прелесть! — в порыве неумемного восторга она вдруг накинулась с поцелуями на любимицу сестры.

— Да перестань же, Элиза! — сердито сказала та и нетерпеливо оттолкнула шалунью.

Но мне пора было уходить. Я вдруг спохватился, что, того и гляди, опоздаю к чаю, а матушка отличалась редкой пунктуальностью.

Моя прелестная собеседница попросилась со мной весьма неохотно. Я нежно пожал ей ручку, а она одарила меня самой ласковой своей улыбкой и чарующим взором. Я шел домой очень счастливый: мое сердце наполнилось самодовольством, а любовь к Элизе так даже переливалась через его край.

ГЛАВА III

СПОР

Два дня спустя нам нанесла визит миссис Грэхем — вопреки предсказаниям Розы, не сомневавшейся в том, что таинственная обитательница Уайлдфелл-Холла не считает для себя обязательными правила вежливости. В этом убеждении мою сестрицу поддерживали Уилсоны, которые то и дело вспоминали, что их визит, как и визит Миллуордов, остался пока без ответа. Однако теперь причина такой неучливости объяснилась, хотя Роза и не совсем ей поверила. Миссис Грэхем привела с собой сына, а когда матушка выразила удивление, что малыш совершил такую длинную прогулку до Линден-Кара, сказала:

— Да, для него это очень большое расстояние, но иначе мне вовсе пришлось бы отказаться от визита к вам. Ведь я никогда не оставляю его одного. И, миссис Маркхем, прошу вас, когда вы увидите с миссис Уилсон и Миллуордами, передайте им мои извинения. Боюсь, я должна буду лишиться себя удовольствия побывать у них, пока Артур немного не подрастет.

— Но у вас же есть служанка! — заметила Роза. — Разве нельзя оставить его с ней?

— У нее много других забот. Кроме того, она слишком стара, чтобы успевать за ним, а он очень подвижный ребенок, и было бы жестоко принуждать его сидеть возле старухи.

— Но ведь вы оставили его, чтобы побывать в церкви?

— Да, один раз. Но ни для чего другого я бы с ним не рассталась. И, думаю, в будущем либо я должна буду брать его с собой в церковь, либо сама оставаться дома.

— Неужели он такой шалун? — спросила матушка с негодованием.

— Совсе нет, — с печальной улыбкой ответила миссис Грэхем, поглаживая кудрявую головку сына, который сидел на скамеечке у ее ног. — Но он мое единственное сокровище, и у него, кроме меня, нет никого. Поэтому нам не хочется расставаться.

— Извините, дорогая моя, это я называю слепым обожанием, — объявила моя прямодушная родительница. — Постарайтесь подавлять такую глупую любовь, и не просто чтобы не выглядеть смешной, а чтобы спасти сына от гибели.

— Гибели, миссис Маркхем?

— Да. Баловство портит ребенка. Даже и в таком нежном возрасте ему не следует все время держаться за материнскую юбку. Ему должно быть стыдно!

— Миссис Маркхем, прошу вас, не говорите такие вещи — во всяком случае, при нем! Надеюсь, мой сын никогда не будет стыдиться любить свою мать! — произнесла миссис Грэхем с такой страстностью, что мы все были поражены. Матушка попыталась успокоить ее, объяснить, что она не так ее поняла, но наша гостя предпочла резко переменить разговор.

«Как я и думал! — сказал я себе. — Характерец у нее не из кротких, каким прелестным ни кажется ее бледное лицо и гордый лоб, на который раздумья и страдания как будто равно наложили печать!»

Все это время я сидел у столика в противоположном углу, притворяясь, будто погружен в чтение «Журнала для фермеров», который держал в руке, когда доложили о нашей посетительнице. Не желая выглядеть дамским угодником, я ограничился поклоном и остался на прежнем месте.

Однако вскоре я услышал приближающиеся робкие шажки. Малыш Артур не устоял перед соблазном — ведь Санчо, мой пес, лежал у моих ног! Положив журнал, я увидел, что

мальчик остановился ярдах в двух от меня, грустно устремив синие глаза на собаку, — удерживала его не боязнь, а стеснительность. Но стоило мне ласково ему кивнуть, как он решился подойти ко мне. «Застенчивый ребенок, но не капризный», — решил я.

Минуту спустя малыш уже стоял на ковре на коленях и обнимал Санчо за шею. А еще минуту спустя водворился на колени ко мне и с большим интересом рассматривал рисунки лошадей, коров и свиней всевозможных пород, а также планы образцовых ферм, заполнявшие страницы моего журнала. Иногда я косился на его мать, стараясь угадать, как она отнесется к этой новой дружбе, и вскоре заметил по ее тревожному взгляду, что ей почему-то не нравится развлечение, которое нашел ее сын.

— Артур! — позвала она наконец. — Поди сюда. Ты мешаешь мистеру Маркхему. Он хочет читать.

— Вовсе нет, сударыня, разрешите ему остаться здесь. Мне это не менее интересно, чем ему, — попросил я, но она взглядом и жестом все-таки подозвала его к себе.

— Ну-у, мамочка! — возразил мальчик. — Позволь, я еще посмотрю картинки. А потом я тебе все про них расскажу!

— В понедельник, пятого ноября, мы думаем устроить небольшой вечер, — сказала матушка, — и я надеюсь, миссис Грэхем, вы не откажетесь быть нашей гостьей. И, пожалуйста, приводите своего сынка, мы найдем для него какие-нибудь интересные занятия... А вы тогда сможете сами извиниться перед Уилсонами и Миллуордами. Я полагаю, они все придут.

— Благодарю вас, но я не бываю на званых вечерах.

— Что вы! Какой же это званый вечер! Соберемся почти по-семейному — кроме нас, будут только Миллуорды и Уилсоны, а с ними вы уже знакомы, да еще мистер Лоренс, ваш домохозяин, а уж с ним вам просто надо познакомиться.

— Мы немножко знакомы... Но все-таки вы должны меня извинить. Вечера теперь сырые и темные, и я побаиваюсь за Артура — здоровье у него не такое уж крепкое. Нам придется подождать, пока дни не станут длиннее, а вечера теплее.

Роза, повинувшись кивку матушки, достала из шкафчика графин вина, рюмки и кекс и предложила это угощение нашим гостям. Кекса они поели, но от вина миссис Грэхем откасалась наотрез, несмотря на все радушные настояния. Артур смотрел на рубиновый нектар с каким-то ужасом и чуть не расплакался, когда матушка заметила, что пригубить-то вино он должен!

— Успокойся, Артур, — сказала его мать. — Миссис Маркхем просто полагает, что оно будет тебе полезно, потому что ты утомился. Но заставлять тебя она и не думает! И конечно, пить его тебе не следует. Он не выносит даже вида вина, — добавила она. — А от запаха ему становится почти дурно. Дело в том, что прежде, когда он заболел, я давала ему выпить вместе с лекарством немного вина или разбавленного водой коньяка и сумела внушить ему к ним отвращение!

Мы все засмеялись, но молодая вдова и ее сын не присоединились к нам.

— Что же, миссис Грэхем! — сказала матушка, утирая слезы, которые от смеха выступили на ее ясных голубых глазах. — Вы меня, признаться, удивили. Право, я полагала, что вы благоразумнее. Что за неженку вы из него растите! Только представьте, каким он станет, если вы и дальше...

— О нет, я считаю, что выбрала верный путь, — с невозмутимой серьезностью перебила ее миссис Грэхем. — Таким способом я надеюсь спасти его хотя бы от одного из самых омерзительных пороков. И была бы рада найти способ возбудить в нем такую же ненависть ко всем прочим.

— Но так вы никогда не пробудите в нем ни единой добродетели, миссис Грэхем, — заметил я. — Ведь в чем их суть? В умении и желании противиться соблазну? Или в неведении соблазна? Кто силен? Тот, кто преодолевает препятствия и совершает что-либо полезное благодаря усилиям и ценой усталости? Или тот, кто посиживает весь день в кресле, вставая, только чтобы помешать в камине и перекусить? Если вы хотите, чтобы ваш сын прошел по жизни с достоинством, не старайтесь убирать камни у него из-под ног, но научите не спотыкаться о них, не водите его за руку, а дайте ему привыкнуть ходить одному.

— Я буду водить его за руку, мистер Маркхем, пока он не станет настолько сильным, чтобы обходиться без меня. И уберу с его дороги столько камней, сколько сумею, а остальных научу избегать — или не спотыкаться о них, как вы выразились. Ведь сколько бы я ни убирала камней, их останется вполне достаточно, чтобы ловкость, решимость и осторожность нашли для себя применение. Очень легко рассуждать об испытании добродетели и благородном сопротивлении соблазнам, но покажите мне на пятьдесят... на пятьсот мужчин, уступивших искушению, хотя бы одного, у кого достало добродетельности ему воспротивиться. Так почему же я должна утешаться мыслью, что мой сын явится исключением из тысячи и тысяч, вместо того чтобы подготовиться к худшему, к тому, что он окажется таким же, как его... как все прочие люди, если я заранее не приму решительных мер?

— Хорошего же вы мнения о всех нас! — воскликнул я.

— О вас мне ничего не известно, и говорю я только о тех, кого знаю, и когда я вижу, как весь род мужской — за немногими исключениями — бредет по жизненному пути, спотыкаясь, падая в каждую яму, ломая ноги о каждый камень, неужели у меня нет права сделать все, что в моих силах, чтобы его путь был более ровным и безопасным?

— О, безусловно. Но для этого надо сделать так, чтобы он был сильнее соблазнов, а не прятать их от него.

— Одно не мешает другому, мистер Маркхем. Бог свидетель, у него будет достаточно искушений и изнутри и извне после того, как я постараюсь сделать для него пороки столь же малопривлекательными, как омерзительна их природа. То, что свет зовет пороком, самой мне никогда не представлялось заманчивым, но я знавала иные искушения и испытания, которые во многих случаях требовали большей осмотрительности и твердости, чтобы им противостоять, чем мне удавалось найти в себе. И я убеждена, что в том же самом могли бы признаться почти все те, кто привык размышлять о себе и стремится властвовать над своими дурными склонностями.

— Да-да! — согласилась матушка, которая не поняла и половины. — Но нам не следует судить о мальчиках по себе.

И, моя дорогая миссис Грэхем, позвольте предостеречь вас против ошибки — роковой ошибки, поверьте мне! Ни в коем случае не берите на себя его воспитание и образование! Оттого что в чем-то вы разбираетесь очень хорошо и сами образованны, вас может прельстить мысль, будто такая задача вам по силам. Но это не так, и если вы не отступите от своего намерения, поверьте мне, вам придется горько раскаяться, когда будет уже поздно.

— Видимо, мой долг — отдать его в школу, чтобы он научился презирать власть и любовь своей матери! — заметила наша гостья с довольно горькой улыбкой.

— Да что вы! Но если какая-нибудь мать хочет, чтобы сын ее презирал, то пусть она держит его дома, балует и не жалеет себя, лишь бы исполнять его капризы.

— Я совершенно с вами согласна, миссис Маркхем. Но подобная преступная слабость противна и моим принципам, и моему поведению!

— Так вы же обращаетесь с ним как с девочкой, вы изнежите его, сделаете из него маменькиного сыночка. Да-да, миссис Грэхем, так оно и будет, хотите вы того или нет! Но я попрошу мистера Миллуорда побеседовать с вами об этом. Он сумеет лучше меня растолковать вам, к каким это приведет последствиям. Яснее ясного. И даст совет, что вам делать и как. Уж он-то вас в одну минуту убедит.

— К чему затруднять мистера Миллуорда! — ответила миссис Грэхем, поглядывая на меня (вероятно, я не сдержал улыбки, слушая, как матушка превозносит почтенного священника). — Мне кажется, мистер Маркхем полагает, что умением убеждать он по меньшей мере не уступает преподобному джентльмену. И готов вам сказать, что уж если я его не послушала, то останусь Фомой Неверным, кто бы меня ни уговаривал. Скажите, мистер Маркхем, вы — тот, кто утверждает, что мальчика следует не ограждать от зла, но посылать сражаться с ним в одиночестве и без помощи, не учить его избегать ловушек жизни, но смело бросаться в них или перешагивать через них, как уж там у него получится, не уклоняться от опасностей, но искать их и питать свою добродетель соблазнами, так скажите же...

— Простите меня, миссис Грэхем, но вы слишком торопитесь! Я ведь пока не говорил, что мальчика следует толкать в ловушки жизни или учить его искать соблазны ради того, чтобы, преодолевая их, закалять свою добродетель. Я только утверждаю, что лучше укрепить силы юного героя и вооружить его, чем пытаться ослабить и разоружить его врага; что, возвращая дубок в теплице, преданно ухаживая за ним днем и ночью, защищая его от малейшего дуновения ветерка, вы не можете надеяться, что он станет таким же крепким и могучим, как дуб, выросший на горном склоне, открытом буйству всех стихий, и изведавший даже бури.

— Предположим. Но пустили бы вы в ход те же доводы, если бы речь шла о девочке?

— Разумеется, нет.

— О да, вот ее, вы считаете, нужно холить и нежить, как оранжерейный цветок, учить цепляться за других ради защиты и поддержки и всячески оберегать от каких бы то ни было понятий о зле! Но не будете ли вы так любезны и не объясните ли мне, почему вы проводите такое различие? Или, по-вашему, ей природная добродетель несвойственна?

— Конечно, ничего подобного я не считаю!

— Однако, с одной стороны, вы утверждаете, что добродетель пробуждают только соблазны, а с другой — считаете, что все меры хороши, лишь бы женщина как можно меньше подвергалась соблазнам и ничего не ведала ни о пороке, ни обо всем, к нему относящемся. Таким образом, по вашему мнению, женщина от природы настолько порочна или слабоумна, что попросту не способна противостоять соблазну, и остается чистой и невинной только до тех пор, пока ее держат в неведении и под строгой опекой, но стоит лишь показать ей путь греха, как она, лишенная по своей натуре подлинной добродетели, тут же устремится по нему, и чем больше будет ее осведомленность, чем шире свобода, тем ниже она падет. Сильный же пол наделен естественной склонностью к добродетели, высоким благородством, которое только укрепляется благодаря опасностям и испытаниям...

— Упаси меня бог от таких мыслей! — вскричал я.

— В таком случае вы полагаете, что оба пола равно слабы и склонны ошибаться, однако малейшее соприкосновение

с пороком, малейшая тень тут же навеки погубит женщину, тогда как характер мужчины только укрепится и обогатится — кое-какое практическое знакомство со вкусом запретного плода является достойным и необходимым завершением его воспитания. Подобное обогащение для него будет (прибегая к банальному сравнению) тем же, чем для дуба — налетевшая на него буря, которая, хотя и сорвет с него часть листьев и обломает мелкие веточки, лишь укрепит его корни, закалит фибры ствола и могучих ветвей. Вы полагаете, что нам следует поощрять наших сыновей познавать все на собственном опыте, а нашим дочерям возбраняется извлекать пользу даже из чужого опыта. Я же хочу, чтобы и те и другие благодаря чужому опыту и привитым с детства высоким принципам заранее научились отвергать зло и выбирать добро, обходясь без практических доказательств того, чем чреваты отклонения с праведного пути. Нет, я бы не послала бедную девочку в мир не вооруженной против врагов, не ведающей о расставленных ей ловушках, но и не стала бы так охранять и беречь ее, что она, не научившись самоуважению и умению полагаться на себя, потеряла бы способность и охоту самой себя беречь и остерегаться опасностей. А что до моего сына... Если бы я поверила, что он вырастет человеком, как вы выражаетесь, «знающим жизнь» и гордым своим опытом, пусть даже потому, что опыт этот в конце концов отрезвил его и сделал полезным и уважаемым членом общества — если бы я поверила в подобное, то предпочла бы, чтобы он умер завтра же! В тысячу раз предпочла бы! — докончила она страстно и, крепко прижав сына к сердцу, поцеловала его с неизъяснимой нежностью. (Мальчик уже давно оторвался от журнала и стоял возле матери, заглядывая ей в лицо и в безмолвном недоумении слушая ее непонятные слова.)

— Вы, прекрасные дамы, всегда стараетесь оставить за собой последнее слово! — сказал я, когда миссис Грэхем встала и начала прощаться с матушкой.

— Ах, вам никто не мешает оставить последнее слово за собой, — возразила она. — Только я, к сожалению, не могу повременить, чтобы его выслушать.

— Вот-вот! Выслушиваете ровно столько, сколько вам угодно, а остальное предоставляете собеседнику говорить на ветер.

— Если вам необходимо сказать еще что-нибудь на эту тему, — ответила миссис Грэхем, пожимая руку Розы, — то привезите вашу сестру ко мне в какой-нибудь ясный день, и я выслушаю с самым лестным для вас терпением все, что вы ни пожелаете сказать. Вашу нотацию я предпочту пастырским поучениям почтенного мистера Миллуорда, так как ответить вам, что я осталась при прежнем своем мнении, мне много легче. А что будет именно так, у меня сомнений нет, кто бы из вас ни удостоил меня своими логическими аргументами.

— О, конечно, — парировал я, твердо решив платить ей ее же монетой. — Ведь женщина, соглашаясь выслушать доводы, опровергающие ее убеждения, всегда заранее готова отвергнуть их, затворив свой внутренний слух и не признавая никакой, даже самой железной логики.

— Прощайте, мистер Маркхем, — сказала моя прекрасная противница с пренебрежительной улыбкой на губах и, не удостоив меня больше ни словом, лишь слегка наклонила голову и уже направилась к двери, но ее сын с детской непосредственностью остановил ее и воскликнул:

— Мама, но ты же не пожалала руки мистеру Маркхему!

Она со смехом обернулась и протянула мне руку, которую я сжал довольно зло, так как меня раздражало это ее предубеждение против меня, которым ознаменовались самые первые минуты нашего знакомства. Ничего не зная о моем характере и принципах, она, хотя я как будто не дал ей для этого ни малейшего повода, словно пользовалась каждым удобным случаем, чтобы подчеркнуть, что я придерживаюсь о себе куда более высокого мнения, чем имею на то право. Бесспорно, я был обидчив, иначе меня это так не задело бы, а к тому же, пожалуй, и несколько избалован матушкой, сестрой и некоторыми знакомыми барышнями. Но самовлюбленным хлыщом я никогда не был — и тут тебе меня не переубедить, как бы ты ни возражал!

ГЛАВА IV

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР

Вечер, который мы устроили пятого ноября, прошел очень мило, хотя миссис Грэхем и отказалась украсить его своим присутствием. Пожалуй, если бы она все-таки пришла, мы чувствовали бы себя не так свободно и стеснялись бы своей дружеской веселости.

Матушка, как обычно, была хлебосольна, неутомонна, словоохотлива и грешила только избытком желанья угождать своим гостям — принуждала одних есть и пить то, чего они терпеть не могли, других насильно усаживала поближе к пылающему огню и развлекала беседой, когда они предпочли бы помолчать. Впрочем, они все были в праздничном настроении и сносили ее заботы с большим добродушием.

Мистер Миллуорд величественно ронял непререкаемые истины, педантично шутил, рассказывал скучнейшие анекдоты и пускался в риторические рассуждения в поучение и назидание как всему обществу в целом, так и наиболее внимательным из своих слушателей, в частности — полной восхищения миссис Маркхем, учтивому мистеру Лоренсу, чинной Мэри Миллуорд, тихому Ричарду Уилсону и невозмутимому Роберту.

Миссис Уилсон блистала, как никогда, сдабривая потоки свежих новостей и старых сплетен банальными вопросами и замечаниями, а также постоянно повторяя одно и то же, видимо не желая давать ни мгновения отдыха своим неутомимым органам речи. Она принесла с собой вязание, и, казалось, ее язык побился об заклад с ее пальцами, что превзойдет их быстротой и непрерывностью движения.

Ее дочь Джейн была, разумеется, светской и элегантной, остроумной и обворожительной в полную меру своих сил, стремясь затмить всю женскую часть общества и очаровать всю мужскую, а мистера Лоренса окончательно пленить и покорить. Я был не в состоянии определить, какие тончайшие уловки она изобретала для этой последней цели, но, на мой взгляд, напускная аристократическая высокомерность и неприятная самоуверенность совершенно ее портили, а Роза, когда мы остались одни, растолковала мне смысл ее

кокетливых взоров, ужимок, намеков столь пронизатель- но и с такой досадой, что я равно подивился фальшивости этой барышни и наблюдательности моей сестрицы и даже спросил себя, уж не видит ли она в мисс Уилсон соперницу. Но успокойся, Холфорд: ничего подобного у нее и в мыслях не было.

Ричард Уилсон, младший брат Джейн, устроился в укромном уголке — не потому, что был в дурном расположении духа, но по застенчивости стараясь оставаться незамеченным, при этом внимательно слушая и наблюдая. И хотя он чувствовал себя несколько не в своей тарелке, вероятно, вечер он на свой лад провел бы приятно, если бы только матушка оставила его в покое. Но из самых добрых намерений она допекала его заботами — непрерывно потчевала то тем, то этим, полагая, в заблуждении, будто он смущается сам что-нибудь взять, и вынуждала выкрикивать через всю комнату коротенькие «да» и «нет» в ответ на бесчисленные вопросы, с помощью которых тщетно пыталась втянуть его в разговор.

Роза сообщила мне, что он почтил нас своим обществом только из-за настояний своей сестрицы. Та обязательно хотела показать мистеру Лоренсу, что у нее есть второй брат, куда более похожий на джентльмена, чем Роберт, которого она, наоборот, всячески старалась оставить дома, но он твердо заявил, что не видит причин, почему бы не скоротать вечерок с Маркхемом, старухой (матушка тогда была еще далеко не старуха), красоткой мисс Розой и его преподобием — что он не ровня им, что ли? И был, разумеется, совершенно прав. И он болтал с матушкой и Розой о всяких пустяках, беседовал со священником о приходских делах, а со мной о сельскохозяйственных работах и рассуждал о политике с нами обоими.

Мэри Миллуорд предпочитала хранить молчание, но меньше страдала от беспощадной матушкиной доброты, так как умела отвечать коротко и отказываться резко, а потому подозревалась не столько в робости, сколько в угрюмости. Во всяком случае, остальные не получали особого удовольствия от ее присутствия, как и она от их общества. Элиза шепнула мне, что Мэри пришла только по настоя-

нию их отца: он вдруг объявил, что она слишком занята домашними обязанностями и пренебрегает невинными развлечениями и радостями, приличествующими ее возрасту и полу. Впрочем, насколько я мог судить, Мэри не так уж и скучала — несколько раз она смеялась шуткам и обменивалась улыбками с теми среди нас, кто пользовался ее расположением. Потом я заметил, что она старается перехватить взгляд Ричарда Уилсона, сидевшего напротив нее. Конечно, он занимался с ее отцом и они должны были привыкнуть друг к другу, а обоюдная замкнутость могла их даже сблизить.

Моя Элиза была обворожительна свыше всяких описаний, кокетлива без жеманства и словно бы искала только моего внимания. Как бы она ни поддразнивала меня и ни посмеивалась надо мной, ее сияющее личико и прерывистое дыхание выдавали, как ей приятно, что я сижу или стою рядом с ней, нашептываю ей на ушко всякий вздор или пожимаю ее пальчики во время танцев. Но мне лучше не продолжать: если я расхвастаюсь теперь, тем больше мне придется краснеть потом.

Продолжу рассказ о прочих членах нашей небольшой компании. Роза, как всегда, держалась естественно и безыскусственно веселилась. Фергес вел себя вызывающе и глупо, но дерзости и нелепые выходки только смешили остальных, хотя и не поднимали его в их глазах. И наконец (себя я опускаю), мистер Лоренс был мил и обходителен со всеми, любезен со священником и женской половиной нашего общества — особенно с хозяйкой дома, ее дочерью и мисс Уилсон... Слепец! У него не хватало хорошего вкуса предпочесть этой последней Элизу Миллуорд! Между ним и мной существовало нечто вроде приятельских отношений. Отшельник по натуре, он редко покидал уединенное поместье, где родился и где после смерти отца вел одинокое существование, и не имел ни случая, ни желания завести новые знакомства. А из старых наиболее приятен ему (судя по его поведению) был я. Мне он скорее нравился, но его холодность, застенчивость и замкнутость мешали проникнуться к нему истинно теплым чувством. Прямота и откровенность в других его привлекали, если были

свободны от вульгарности и назойливости, но сам он не мог ими похвастать. Молчание, которое он хранил о собственных делах и заботах, вызывало досаду и могло даже оскорбить, но я извинял такую скрытность в убеждении, что питает ее не высокомерие и не отсутствие доверия к друзьям, но болезненная застенчивость и чувствительность, которые он сознавал, но преодолеть был не в состоянии. Сердце его напоминало нежный цветок, который разворачивает лепестки навстречу солнечным лучам, но тут же поникает и закрывается, если его коснутся неосторожные пальцы или даже самый легкий ветерок. В целом наша близость ограничивалась определенной взаимной симпатией и далеко не походила на глубокую и прочную дружбу вроде той, которая позже связала нас, Холфорд. Тебя, несмотря на некоторую твою придирчивость, я уподобил бы старому привычному сюртуку из превосходной ткани, просторному, удобно облегающему фигуру, нигде ее не стесняя, который можно надевать по любому случаю и в любую погоду, не боясь его испортить. Мистер же Лоренс походил на новый фрак, отлично и элегантно сшитый, но столь тесный в плечах, что страшно пошевелить рукой — как бы не лопнули швы, и столь отглаженный и безупречный, что и думать нельзя попасть в нем под дождь, пусть даже на несколько секунд.

Едва гости собрались, как матушка заговорила про миссис Грэхем — выразила сожаление, что она не могла принять нашего приглашения, и объяснила Миллуордам и Уилсонам, по какой причине ей не удалось отдать им визиты, — но она надеется, что они извинят ей невольную неучтивость, и всегда будет рада вновь увидеть их у себя.

— Но она какая-то странная, мистер Лоренс, — продолжала матушка. — Просто ничего понять нельзя. Впрочем, вы, наверное, можете нам про нее кое-что рассказать. Ведь она как-никак ваша жилища и к тому же сказала, что вы немного знакомы.

Все глаза обратились на мистера Лоренса, и мне показалось, что этот вопрос смутил его больше, чем того заслуживал.